

СКАЗКА
АНТОНОВСКОГО
ПУССАТЕЛЯ

Annotation

Сказка об ищущем любви короле-поэте.

- [Элинон Фарджон](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Элино́р Фа́рджо́н

Дубра́вия

I

*Ты звездочки ярче
В пустыне ночной,
Нежнее травы
На лужайке весной.
Звезда ли, трава,
Отзовись мне, молю!
Не знаю я, кто ты,
Но очень люблю.^[1]*

Когда юный король Трудландии дописывал последнее слово стихотворения, Селина, старшая горничная, стукнула к нему в дверь.

— Ну что еще там, Селина? — нетерпеливо спросил Король.

— Вас хотят видеть министры, — сказала Селина.

— Зачем? — спросил Король.

— Они мне не сказали, — сказала Селина.

— Я занят, я сочиняю, — сказал Король.

— Они сказали: сейчас же, — сказала Селина.

— Пойдите и скажите им...

— Мне надо убирать лестницу.

Король тяжело вздохнул, положил перо и вышел. Когда он ступил на первую ступеньку, Селина сказала:

— Надеюсь, пока вы разговариваете с министрами, я могу прибрать у вас в комнате?

— Да. Но, сделайте милость, не трогайте ничего у меня на столе. Мне вечно приходится вам об этом говорить.

— Извольте, — только и сказала Селина. — Да смотрите, не забудьте про дорожку на лестнице.

— А что мне о ней помнить, если она снята?

— По тому самому, — сказала Селина. «Все-таки наша Селина

бестолковая», — сказал сам себе Король и задумался, как было уже не раз: не отказать ли ей от места? Но тут же вспомнил, как было уже не раз, что она — Подкидыш и Найденыш, — ей был один месяц, когда ее нашли на пороге Сиротского Приюта, где ее вырастили и выучили на служанку. Когда ей исполнилось четырнадцать, она пришла во дворец, неся под мышкой жестяной сундучок с вещами, и работает здесь вот уже пять лет, поднявшись от Судомойни при Кухне до Парадных Спален. Если он откажет ей от места, она никогда не найдет другого, и ей придется вернуться в Сиротский Приют и жить там до конца своих дней; поэтому Король лишь отказал ей в обычной улыбке и стал осторожно спускаться по лестнице без пути-дорожки в Тронный Зал.

Королевству нужна была Королева, и министры пожаловали всем скопом, чтобы сказать об этом юному Королю. И, понятно, заявили министры, она должна быть Принцессой.

— А какие Принцессы есть в наличии? — спросил юный Король, которого звали Джон, потому что, как сказал старый Король, его отец, когда он родился, это хорошее имя, без фокусов. Трудландцы терпеть не могли фокусов и до того усердно трудились, уткнувшись носом в работу, что ничего дальше носа не видели. Но дело свое они делали не за страх, а за совесть, и сейчас совесть министров требовала женить своего Короля на Принцессе, а совесть Короля не позволяла ему отказаться, — Джона воспитали в строгих правилах. Поэтому, когда дошло до дела, он не устрасился — дело есть дело — и только спросил:

— Так какие Принцессы есть в наличии? Премьер-министр заглянул в список.

— Принцесса Северной Нагорий, страны, что лежит на карте над нами. Принцесса Южной До-линии, страны, которая лежит под нами, и Принцесса Восточной Болотии, что лежит справа от нас. Ваше Величество могут посвататься к любой из них.

— А как насчет Западной Дубравии, что лежит слева? — спросил Джон. — Разве на Западе нет Принцессы?

У министров сделался серьезный вид.

— Мы не знаем, Ваше Величество, какая страна лежит к западу, никто на нашей памяти не заходил за ограду, разделяющую наши земли. Почем знать, возможно, Западная Дубравия — голая пустыня, где обитают одни ведьмы.

— А возможно, плодородная зеленая страна, где обитают прекрасные Принцессы, — сказал Король. — Завтра я поеду охотиться в Западную Дубравию и все увижу своими глазами.

— Сир, это запрещено! — в ужасе вскричали министры.

— Запрещено! — задумчиво проговорил Джон; и тут он вспомнил то, что успел забыть, когда стал взрослым, — как в детстве родители остерегали его против Западной Дубравии и говорили, чтобы он к ней не смел и подходить.

«Почему?» — спросил он мать.

«Там полно опасностей», — сказала она ему.

«Каких опасностей, мама?»

«Этого я тебе не могу сказать, потому что сама не знаю», — сказала она.

«Так откуда же ты знаешь, что там есть опасности, мама?» — спросил он.

«Это знают все. Каждая мать в Королевстве предупреждает об этом своего ребенка, как я — тебя. В этой Западной Дубравии скрывается неведомое».

«Но, быть может, оно не опасно, при всем при том», — сказал Принц, — тогда он был еще Принцем, — и то неведомое, что скрывалось в Западной Дубравии, стало так занимать его мысли, и ему так хотелось все об этом разведать, что однажды он убежал из дома в лес. Но когда он зашел в самую глубь дубравы, он увидел высокий дощатый забор, слишком высокий, чтобы можно было заглянуть поверх него, и слишком крепко сколоченный, чтобы можно было заглянуть в щелочку. За ним скрывалась та сторона Западной Дубравии, что граничила с владениями его отца. Вдоль всего забора, казавшегося старым, как мир, стояли дети, высматривая и выглядывая, наклоняясь к земле и поднимаясь на цыпочки, стараясь найти где-нибудь щель, стараясь вытянуться повыше. Маленький Принц тоже наклонялся к земле и тянулся вверх изо всех сил, тоже смотрел во все глаза и выискивал щелочку. Но все было напрасно — ограда была слишком высока и сколочена слишком крепко. Принц вернулся во дворец, горько обманутый в своих надеждах, и направился к матери.

«Кто построил забор вокруг Западной Дубравии, мама?» — спросил он.

«О! — вскричала она в смятении. — Так и ты тоже ходил туда? Никто не знает, кто построил эту ограду и когда. Это было в незапамятные времена».

«Я хочу, чтобы ее сломали», — сказал Принц.

«Она стоит, чтобы оградить тебя», — сказала мать.

«От чего?» — спросил маленький Принц.

Но так как этого она сама не знала, то и ему не могла сказать, поэтому

просто покачала головой и приложила палец к губам.

Но, несмотря на то, что ограда их ограждала, все матери Королевства без устали твердили своим детям об опасностях, подстерегающих их за ней; и дети тут же убегали в лес и пытались найти в заборе щелочку и заглянуть в нее. Все они, как один, не теряли надежды попасть в Западную Дубравию, пока не вырастали и не обзаводились семьей. Тогда они остерегали собственных детей против неведомых им самим опасностей.

Неудивительно, что, когда Джон заявил о своем намерении отправиться на охоту в Дубравию, все министры до смерти перепугались за своих детей и закричали хором:

— Это запрещено!

— Я уже слышал это от мамы, когда был маленьким, — сказал Джон. — Завтра мы отправляемся охотиться в Западной Дубравии.

— Ваше Величество! Все матери и отцы Королевства восстанут против вас, если вы велите сломать забор.

— Значит, мы просто перескочим через него, — сказал юный Король, — и все равно будем завтра охотиться в Дубравии.

Он пошел распорядиться, чтобы Селина достала его охотничьи принадлежности, и увидел, что она стоит у стола, опершись на щетку, и читает его стихотворение.

— Сейчас же положите на место, — сердито сказал Король.

— Извольте, — ответила Селина. Она отошла в сторону и принялась вытирать пыль с каминной доски.

Король подождал, не скажет ли она еще что-нибудь, но, так как она молчала, первым заговорить пришлось ему.

— Я еду завтра на охоту, Селина, — холодно промолвил он. — Выньте мои вещи.

— Какие вещи? — спросила Селина.

— Охотничьи, какие же еще! — сказал Король и подумал: «В жизни не встречал такой глупой девушки».

— Хорошо, — сказала Селина. — Значит, вы отправляетесь на охоту?

— О чем я вам и толкую.

— А куда?

— В Западную Дубравию.

— Да ну? — сказала Селина.

— Я бы хотел, — сказал Король, выйдя из себя, — чтобы вы наконец поняли, что у меня слово не расходится с делом.

Селина принялась сметать пыль со стола и смахнула метелочкой на пол листок со стихотворением. Король сердито поднял его, немного

помолчал, сильно покраснел и спросил:

— Вы, выходит, читали это?

— Угу, — подтвердила Селина. Наступила долгая пауза.

— Ну и что вы об этом думаете? — спросил Король.

— Это ведь стишок, да? — спросила Селина. — Да.

— Так я и подумала, — сказала Селина. — Ну, здесь уже все прибрано. — И она вышла из комнаты.

Король так на нее рассердился, что скомкал листок в тугой шарик и, просто чтобы ей досадить, бросил его в мусорную корзинку.

II

Наступило утро, и охота тронулась в путь, напрямиком к Западной Дубравии.

Впереди, горя нетерпением, ехал на белоснежном коне юный Король, его сопровождала свита придворных и охотников. Вскоре они увидели вдаль высокую ограду, но теперь она не казалась Королю такой высокой, как в детстве. Возле ограды, как всегда, были дети; стоя на цыпочках, присев на корточки или согнувшись, они старались заглянуть за ограду или сквозь нее.

— Посторонитесь, дети! — крикнул Король и пришпорил скакуна. Конь перелетел через забор, как большая белая птица, и следом за Королем с гулким топотом поскакали его придворные. Но... ни один не последовал за ним до конца. Некоторые из них были отцами и так много раз остерегали своих сыновей от ждущих их здесь опасностей, что теперь сами испугались их; другие были сыновья, пусть и взрослые, которым их родители, услышав о предстоящей охоте, снова напомнили о том, что их подстерегает в Западной Дубравии. Так или иначе, все они, как один, и отцы, и сыновья, повернули своих коней у самой ограды, и только Король — ведь он был сирота и холостяк — перескочил через нее и углубился в лес в полном одиночестве.

Когда он очутился по ту сторону, первым его чувством было разочарование. Конь стоял по самые бабки в пожухлых листьях, а впереди был завал: беспорядочно накиданная груда сухих веток и прутьев, увядшего папоротника и засохшей травы, белых от плесени и черных от гнили. В ней застрял всевозможный хлам — разорванные картинки, сломанные куклы, битая игрушечная посуда, ржавые дудочки, старые птичьи гнезда и повядшие венки, клочки лент, выщербленные стеклянные

шарики, книжки без обложек с исчерканными карандашом страницами и наборы красок с погнутыми крышками и почти без красок, а те, что еще там оставались, так растрескались, что красить ими было давно нельзя. И еще тысяча разных вещей, одна хуже и бесполезней другой. Король взял в руки две из них — музыкальный волчок со сломанной пружиной и продранного бумажного змея без хвоста. Он попробовал раскрутить волчок и запустить змея, но безуспешно. Рассерженный и удивленный Король проехал через скопление хлама и мусора, чтобы посмотреть, что же там, с другой стороны.

Но и там ничего не было — лишь свободное, покрытое серым песком пространство, плоское, ровное, как блюдо, и огромное, как пустыня. Этой песчаной глади не было конца; и Король — хотя ехал уже более часа — видел вокруг все одно и то же, что вблизи, что вдали. Внезапно его охватил страх, — уж не придется ли ему вечно скитаться в этой пустоте? Оглянувшись, он с трудом разглядел оставленный позади завал, слабой тенью маячивший на горизонте. А вдруг не станет видно и его? Как тогда найти дорогу обратно? В панике Король повернул коня без оглядки поскакал назад; через час со вздохом облегчения он снова был у себя в Трудландии, по другую сторону ограды.

Прилипшие к ограде дети встретили Джона веселыми криками.

— Что вы видели? Что вы видели?

— Ничего, кроме кучи мусора, — сказал Джон. Дети недоверчиво взглянули на него.

— Ну а в лесу там что? — спросил один из них.

— Нет там никакого леса, — сказал Король. Дети смотрели на него так, словно не верили ни одному слову, и Король поехал во дворец, где министры радостно его приветствовали.

— Слава Богу, вы целы и невредимы, сир! — воскликнули они, а затем, точь-в-точь как дети, спросили: — Что вы видели?

— Ничего и никого, — ответил Джон.

— Ни одной ведьмы?

— И ни одной Принцессы — ни одной-единственной. Поэтому завтра я поеду в Северную Нагорию просить руки тамошней Принцессы.

Король поднялся наверх и велел Селине приготовить его дорожный баул.

— Для чего? — спросила Селина.

— Я еду в Северную Нагорию свататься к Принцессе, — сказал Король.

— Так вам понадобятся шуба и шерстяные варежки, — сказала Селина

и пошла их доставать.

Король подумал, что ему может также пригодиться там и его стихотворение, но, заглянув в мусорную корзину, увидел, что она пуста. Это так его разгневало, что, когда Селина принесла ему перед сном стакан горячего молока, он даже не сказал ей «доброй ночи».

III

Когда Джон прибыл в Северную Нагорию, его никто не встречал, что показалось ему довольно странным. Он заранее послал гонца с вестью о своем приезде, и, надо думать, думал Джон, иноземные короли не так уж часто посещают эту страну, чтобы считать это в порядке вещей. Было очень холодно; мало сказать, «холодно» — стояла стужа. По улицам сновали люди; проходя мимо жилых домов и лавок, Король также видел в окнах людей, но ни один из них на него и не взглянул, а если кто и бросил случайный взгляд, то было ясно, что им от этого ни тепло ни холодно. «Впрочем, о каком тепле можно говорить на таком холоде? — подумал Джон. — Это же не люди, а ледышки». От их холодных, застывших лиц его пробирала дрожь не меньше, чем от ледяного неподвижного воздуха. Не очень-то обнадеживающее начало.

Однако юный Король, хоть и с трудом, все же добрался до дворца; дворец стоял на снежной вершине горы и сверкал так, точно был построен из льда. Дорога была длинная и крутая, и к тому времени, как конь достиг вершины, щеки Короля посинели, а нос покраснел.

Высокий молчаливый привратник спросил, как его имя, и жестом показал Джону, чтобы он следовал за ним в Тронный Зал. Джон так и сделал, чувствуя, однако, что у него очень неприглядный вид. Тронный Зал был задрапирован белым и больше всего походил на ледник; Джон поискал взглядом огонь и увидел огромный камин, где были навалены глыбы льда. В дальнем конце зала сидел на троне Король Северной Нагорий, по обеим сторонам стояли придворные, застывшие как изваяния. Все женщины были в белых платьях, все мужчины — в сверкающих доспехах, а каково было облачение самого короля, нельзя было разглядеть из-за огромной седой бороды, спадавшей, как лавина, с его щек и подбородка и скрывавшей его до самых пят. У подножия трона сидела Принцесса Северной Нагорий, закутанная в снежно-белую вуаль.

Привратник остановился в дверях и прошептал:

— Король Трудландии.

Звук его голоса лишь едва нарушил тишину, царившую в Тронном Зале. Никто не шевельнулся, никто не заговорил. Привратник удалился, и юный Король вошел в зал. Он чувствовал себя в точности как кусок баранины, сунутый на хранение в ледник. Однако делать было нечего, поэтому он собрался с духом и заскользил к подножию трона. Он не имел намерения скользить, но пол был покрыт льдом, и ему просто ничего другого не оставалось.

Старый Король холодно и вопросительно посмотрел на молодого. Джон кашлянул раз-другой и заставил себя прошептать:

— Я явился, чтобы просить руки вашей дочери.

Король чуть заметно кивнул на Принцессу, сидящую у его ног; казалось, это означало: «Ну так проси!» Но Джон, хоть убей, не знал, как ему начать. Если бы он мог припомнить свое стихотворение! Он изо всех сил старался это сделать, но для поэта главное — воспламениться. Если первый огонек угас, вторично его не зажечь, да еще на таком холоде. Однако Джон приложил все старания и, опустившись на колени перед безмолвной Принцессой, прошептал:

*Ты снега белей,
Ты дитя мерзлоты,
И прячешь лицо —
Не дурнушка ли ты?
Мне в жены не нужен
Замерзший скелет,
Я очень надеюсь,
Что скажешь ты «нет».*

Последовало ледяное молчание, и Джон решил, что, видно, он что-то напутал. Он подождал минут пять, поклонился и заскользил спиной вперед прочь из Тронного Зала. Выбравшись наружу, он похлопал себя ладонями по бокам, присвистнул, сказал несколько раз «вот те раз!», вскочил на коня и поехал как можно быстрее обратно в свое Королевство.

— Все в порядке? — спросили министры.

— Вполне, — сказал Джон. Министры радостно потеряли руки:

— Так когда будет свадьба?

— Никогда! — сказал Джон и пошел наверх, к себе в комнату, и позвал Селину, чтобы она разожгла камин. У Селины всякое дело в руках горело, и не успел он оглянуться, как в камине уже пылал огонь. Подгребая угли, она

спросила:

— Как вам понравилась Принцесса Севера?

— Никак, — ответил Король.

— Не захотела за вас пойти, да?

— Знайте свое место, Селина, — оборвал ее Король.

— Извольте. Что-нибудь еще?

— Да. Распакуйте баул и снова запакуйте его. Завтра я еду свататься к Принцессе Южной Долинии.

— Тогда вам понадобятся соломенная шляпа и льняная пижама, — сказала Селина и направилась к дверям.

Но Король сказал:

— Э... Селина... э-э...

Она остановилась на пороге.

— Э... между прочим, Селина! Вы не помните... э... этого моего стишка, что вы... э... здесь у меня читали?

— У меня слишком много дел, чтобы забивать себе голову стишками, — сказала Селина.

И вышла, а Король так на нее осерчал, что, когда она вернулась и принесла ему горячую-прегорячую грелку для постели, он даже не сказал ей «спасибо».

IV

На следующий день юный Король отправился в Южную Долинию, и вначале поездка показалась ему такой приятной, что он преисполнился радужных надежд. Небо было голубым, воздух — недвижимым, день — солнечным. Но чем дальше он ехал, тем голубей делалось небо, недвижимее — воздух, солнечнее — день, и к тому времени, как он приехал туда, куда надо, у него уже не стало сил радоваться — он изнемогал. От аромата роз было трудно дышать, солнце пекло так яростно, что глаза резало от ослепительно голубого неба, а раскаленная земля испускала такой жар, что плавилась подковы на ногах у коня. Да и сам конь еле передвигал ногами, по его лоснящимся бокам стекали струи пота, равно как по лбу и щекам его хозяина.

Как и прежде, сюда был отправлен гонец, чтобы возвестить прибытие Короля Трудландии, и, как и прежде, никто его не встречал.

Город был погружен в безмолвие, жалюзи на всех окнах были спущены, на улицах — ни души. Однако спрашивать дорогу было не

нужно: дворец, выстроенный из отполированного золота, с золотыми куполами и шпилями, сверкавший ярче солнца, был виден издалека. Конь Короля из последних сил дотащился до ворот и рухнул на землю. Юный Король лишь с большим трудом слез — верней, свалился — с седла и велел жирному привратнику, стоявшему в парадных дверях, доложить о себе. Привратник только зевнул, словно не слышал, так что Джону пришлось самому искать дорогу к Тронному Залу. Там, в великолепных золотых креслах, полулежал полусонный Король Южной Долинии, а у его ног, откинувшись на груды золотых подушек, полусидела Принцесса. По всей комнате на позолоченных оттоманках с горами подушек отдыхали в ленивых позах придворные. На всех них были золототканые одежды, и Джон с трудом мог разобрать в этих беспорядочных кучах, где люди и где подушки. Но насчет самого Короля у него не возникло никаких сомнений, да и насчет его прекрасной дочери тоже. И она действительно прекрасна, подумал Джон, только уж очень толста. А ее отец был еще толще. Когда Джон приблизился, он улыбнулся медленной, сонной, сладкой улыбкой, но произнести хоть одно слово не взял на себя труда.

— Я явился, чтобы сделать предложение вашей дочери, — пробормотал Джон.

Улыбка Короля сделалась еще более сладкой и сонной, словно он хотел сказать: «Дело твое». И так как все, по-видимому, ждали, что он сделает, то Джон решил поскорее приступить к делу. Но у него иссякли последние слова и силы, и в отчаянии Джон решил прочитать свое утерянное стихотворение: без сомнения, оно тронет сердце Принцессы. У него мутилось в глазах, но наконец он припомнил, как казалось ему, все от начала до конца, и, упав на колени перед полулежащей Принцессой, юный Король прожурчал:

*Ты сала жирнее,
Ты таешь от зноя,
Меня ты смущаешь
Своей толщиной.
Все мужество может
Растаять сейчас...
Я очень надеюсь
На твердый отказ.*

Принцесса зевнула ему в лицо.

Так как за этим ничего не последовало, Джон поднялся с колен, выбрался из дворца, поставил своего коня на все четыре копыта, взобрался кое-как ему на спину и медленной иноходью потрюхал в Трудландию. «Боюсь, что это было не совсем то стихотворение», — говорил он себе несколько раз по пути.

Министры ждали его в нетерпении.

— Ну как, сталкивались вы с Принцессой Южной Долинии? — спросили они.

— Разумеется, — сказал Джон. Министры засияли от удовольствия.

— Когда же она станет вашей супругой?

— Никогда, — сказал Джон и пошел наверх, к себе в комнату, и позвал Селину, чтобы она принесла ему холодный апельсиновый сок. Она была мастерица его готовить, и вскоре уже перед Королем стоял высокий бокал с соломинкой, а сверху прыгал оранжевый шарик льда. Пока он потягивал сок, Селина спросила:

— Ну как, поладили вы с Принцессой Юга?

— Нет, — сказал Джон.

— Не пришлись ей по вкусу, да?

— Не забываетесь, Селина.

— Извольте. Больше вам ничего не надо?

— Надо. Завтра я еду свататься к Принцессе Восточной Болотии.

— Тогда вам понадобятся галоши и макинтош, — сказала Селина, беря дорожный баул и намереваясь его унести.

— Погодите, Селина, — сказал Король. Селина остановилась.

— Куда вы девааете то, что находите у меня в мусорной корзинке?

— В мусорную яму, — сказала Селина.

— А на этой неделе вывозили мусор?

— Я специально послала за мусорщиком, — сказала Селина, — там набралось до самого верха.

Ее ответ так раздосадовал Короля, что, когда она зашла и сказала, что в ванной комнате все приготовлено и он может пойти и принять прохладный душ, он стал барабанить пальцами по стеклу, стоя к ней спиной и напевая песенку, словно ее вообще не было в комнате.

Поездка в Восточную Болотию сильно отличалась от поездки в Северную Нагорию и Южную Долинию. Чем ближе туда подъезжал

Король, тем громче завывал и резче сек ему лицо ветер, чуть не сдувая его с коня. По правде говоря, Джону казалось, что тут собрались ветры со всех концов света, и все они разом, что есть духу, дуют и воют, хлещут и бьют, ревут и свистят. Они сталкивали друг с другом ветки деревьев, сшибали наземь столбы и тумбы. В ушах Джона стоял такой звон и грохот, ему с таким трудом удавалось удерживать на голове шляпу и самому удерживаться в седле, что было не до окрестных красот. Но то, что кругом сыро и мрачно, а город, построенный из серого камня, на редкость безобразен, он все же разглядел.

«Да, это местечко не назовешь тихим», — сказал себе Джон, припоминая безмолвие Севера и сонливую истому Юга; и он был совершенно прав. Горожане как оголтелые носились взад-вперед по улицам, вокруг кипела и бурлила жизнь: окна дребезжали, двери хлопали, собаки лаяли, повозки грохотали, люди, с топаньем бежавшие по своим делам, орали во все горло.

«Интересно, здесь хоть меня ждут?» — подумал Джон, — ведь, как и прежде, до него сюда прибыл гонец, — и с удовлетворением увидел, что, когда он приблизился ко дворцу, построенному из серых гранитных глыб, двери распахнулись и навстречу ему устремилась толпа. Впереди всех мчалась девушка с развевающимися волосами, в короткой юбке и с клюшкой в руке. Она подскочила к Королю, схватила коня за гриву и закричала:

— Ты умеешь играть в болотный хоккей?

Не успел Джон ответить, как она выкрикнула:

— Нам не хватает одного игрока! Пошли! — и стащила его на землю.

В руки ему сунули клюшку, и не успел он оглянуться, как очутился — не по своей воле — на огромном открытом поле позади дворца, по щиколотку в грязи. Поле это было на краю обрыва: внизу хлестали о скалы холодные, серые, злые волны, а наверху не менее яростно хлестал людей ветер.

Игра началась, но в чем она заключалась и на чьей стороне он играл, Джон так никогда и не узнал: час напролет его бил по щекам ветер, дубасили по ногам клюшки, кололи лицо холодные соленые брызги. Ему орали в уши, яростно швыряли его туда и сюда, заляпывали от макушки до пят грязью. Наконец игра, по-видимому, закончилась. Джон в изнеможении опустился на землю. Но отдохнуть ему не удалось: та же девушка ткнула его кулаком в спину и сказала:

— Вставай! Ты кто?

— Король Трудландии, — собрав последние силы, ответил Джон.

— Подумать только! И зачем же ты сюда пожаловал?

- Предложить свою руку Принцессе.
- Вот оно что! Валяй!
- Неужели вы и есть... — еле вымолвил юный Король.
- Вот именно. Почему бы и нет! Ну, не тяни резину!

Джон сделал отчаянную попытку собраться с мыслями и отыскать в памяти утерянное стихотворение, но из уст его, обгоняя друг друга, вылетели такие слова:

*Ты грома грознее,
Ты злее горчицы,
Такой уродилась —
Чего тут стыдиться.
Но я-то — другой,
Мне себя не сломить,
Я очень надеюсь
Отвергнутым быть.*

— Это уж из рук вон! — взревела Принцесса и, подняв клюшку высоко над головой, ринулась на Короля. За ней следом бежали негодующие придворные, каждый с поднятой клюшкой. Джон кинул один взгляд на перепачканную буйную ораву и бросился наутек. Лишь чудом успел он взобраться на спину коня и пустить его в галоп, прежде чем на него обрушились их клюшки. Джон летел во весь мах, пока крики восточноболотцев не стихли вдали, а постепенно стих и ветер, и вскоре измученный и грязный юный Король подъехал к своим собственным дверям и перевел наконец дух. Министры поджидали его на парадной лестнице.

— Приветствуем вас, сир! — вскричали они. — Ну как, ударили вы по рукам с Принцессой Восточной Болотии?

— Еще как! — отдуваясь, сказал Король. Министры заплясали от радости.

— И когда же она назовет счастливый день?

— Никогда! — заорал Джон; он кинулся наверх, к себе в комнату, и громко позвал Селину, и велел ей расстелить постель. Она давно набила себе в этом руку, и вскоре уже постель была готова и манила его лечь и отдохнуть. Доставая шлафрок и шлепанцы, Селина спросила:

— Ну, что вы думаете о Принцессе Востока?

— Ничего не думаю, — огрызнулся Джон.

— Не пришлись ей ко двору, да?
— Вы опять забываетесь, Селина. Помолчите.
— Извольте. Больше ничего не желаете?
— Желаю, — сказал Джон. — Еще как желаю. Ничего другого не желаю, только...
— Только что?
— Только мое стихотворение.
— Ваше стихотворение? Тот стишок, что ли?
— Вот-вот.
— Что же вы не сказали этого раньше? — сказала Селина и вынула его из кармана.

VI

Юный Король затопал ногами от гнева.
— Значит, все это время оно было у вас? — вскричал он.
— Почему бы и нет? Вы его выкинули.
— Вы сказали, что бросили его в мусорную яму.
— Ничего подобного я не говорила.
— Вы сказали, что не помните, о чем оно.
— И не помню. Никогда, даже в школе, не могла выучить стихи наизусть.
— И все равно держали его у себя!
— Одно другому не мешает.
— Но почему вы это сделали?
— А это уж не ваша забота. Подумать только: так обращаться со своим делом! — строго сказала Селина. — Человек, который не уважает дело своих рук, не заслуживает того, чтобы ему давали его в руки.
— Но я уважаю, правда, уважаю, Селина, — сказал юный Король. — Честное слово. Я так жалел, что скомкал и выбросил свое стихотворение. А знаете, почему? Потому что оно вам не понравилось.
— Я этого не говорила.
— А... а на самом деле?
— Неплохой стишок.
— О, Селина, правда? Правда, Селина? О, Селина, я забыл его. Прочитайте мне его...
— И не подумаю, — сказала Селина. — Может, это научит вас в другой раз запоминать то, что вы написали, прежде чем выбрасывать.

— А я вспомнил! — вскричал вдруг юный Король. — Да, я помню его от слова до слова. Послушайте. — И, схватив ее за руку, он сказал:

*Ты ягодки слаще,
Голубки добрей,
Любой восхитится
Любимой моей.
Я жить без тебя
Не смогу никогда
И очень надеюсь,
Что скажешь ты «да»!*

Селина молча теребила край передника.
— Разве не так? — встревоженно спросил юный Король.
— Более или менее.
— Селина, скажите «да»! Скажите «да», Селина!
— Спросите меня завтра, — сказала Селина, — в Западной Дубравии.
— В Западной Дубравии? — с удивлением воскликнул Джон. — Но вы же знаете, ходить туда запрещено.
— Кто это запретил?
— Наши отцы и матери.
— Ну а у меня никогда не было ни отца, ни матери, — сказала Селина. — Я сирота.
— И вы ходите в Западную Дубравию? — спросил Король.
— Очень часто, — сказала Селина. — Всякий раз, когда я свободна. Завтра я свободна полдня. Если хотите — ждите меня у черного входа, и мы пойдем вместе.
— А как мы туда попадем?
— В заборе есть лаз.
— А что нам нужно взять с собой? — спросил Король.
— Только это, — сказала Селина и положила стихотворение обратно к себе в карман.

VII

На следующий день сразу после второго завтрака, когда Селина окончила работу, и привела себя в порядок, и надела розовую блузку с

кружевами и шляпку с лентами, юный Король встретился с ней у черного хода, и они пустились рука об руку к ограде, отделявшей Трудландию от Западной Дубравии.

Как обычно, там была кучка детей, старавшихся заглянуть за ограду, и сквозь нее, и во все несуществующие щелочки, и они с любопытством смотрели, как Король и Селина шли вдоль ограды и Селина тыкала в каждую доску пальцем, считая про себя. Удивительно, взрослые, а ведут себя, как маленькие, и дети пошли гурьбой вслед за ними, чтобы увидеть, что будет дальше. Но Король и Селина от волнения ничего не заметили. Когда они дошли до семьсот семьдесят седьмой доски, Селина сказала:

— Вот здесь! — и сунула палец в дырочку, и опустила защелку с внутренней стороны. Доска откинулась, как узкая дверь, и Селина с Королем протиснулись внутрь, а следом протиснулись все дети.

Они были в Дубравии, но что это? Король не верил своим глазам и принялся протирать их. Перед ним, как и в первый раз, поднимался завал из веток, цветов и листьев, но ветки были живые, на них пели птицы, листья зеленели, наливаясь радостным светом прямо на глазах, а что до цветов — о, никогда в жизни Джон не видел и не нюхал таких цветов! Пройти сквозь завал оказалось нетрудно — ведь за руку его вела Селина. Миновав его, Король снова принялся тереть глаза. Вместо серой песчаной пустыни перед ним расстилался зеленый луг с веселыми ручейками, и водопадами, и купами деревьев; среди деревьев стояли коричневые домики и белоснежные храмы; на покрытой мхом земле синели фиалки, в воздухе летали всевозможные птицы, пятнистые олени пили из ручьев, а на траве резвились белки. И никто из них не боялся ни Селины, ни Короля, ни детей.

За деревьями лежал изогнутый дугой золотой берег, лаская глаз блестящими раковинами, разноцветными камешками и сверкающим песком, на него накатывали легкие изумрудно-голубые, прозрачные, как стекло, волны; вдали резко выдавался в море белый утес с пещерами и гротами. Лебеди, чайки и другие морские птицы кружили над водой, прочеркивая небо серебряными штрихами, или стояли на песке, чистя клювом перышки. Они смотрели на людей так же безбоязненно, как лесные твари.

Все утопало в лучезарном свете, словно слились воедино лучи солнца и луны, и было похоже на самый чудесный сон.

— О, Селина, — вздохнул Король, — я никогда еще такого не видел.

— Ты уверен? — спросила Селина.

Нет, Король вовсе не был в этом уверен. Да, он нюхал эти цветы, видел

эти ручьи, бродил по этому берегу в... в... когда это было?., в самом раннем детстве. И одно за другим они исчезли: то ли в воду канули, то ли провалились сквозь землю, то ли — когда он стал подрастать — он сам потерял к ним интерес, и они перестали казаться ему такими прекрасными, и тогда кто-то, видно, перебросил их через ограду в Дубравию.

Но здесь все было волшебным, не только полянки и берега. Дети, которые пролезли сюда вслед за Королем и Селиной, теперь весело носились взад-вперед, бегали наперегонки по траве, плескались в ручьях, шлепали босиком по воде вдоль залива, играли цветами, ракушками и камешками и рыскали ватагой по пещерам и домам. И оттуда они выбегали с множеством сокровищ: куклами, дудочками, кукольной посудой, детскими книжками с картинками; куклы эти были прекрасны, как феи, дудочки пели, как соловьи, посуда сама собой наполнялась королевскими яствами, со страниц книг соскакивали эльфы и герои, чтобы поиграть вместе с детьми. При виде этого Король издал громкий возглас, точно вспомнил что-то давно забытое, тоже кинулся в небольшой храм неподалеку и вышел оттуда со своим первым музыкальным волчком. Он запустил его в траве, и раздалась музыка, нежная, как та колыбельная, что пела про себя его мать, когда он еще не родился.

— О, Селина! — вскричал Король. — Почему родители запрещают детям сюда приходиться?

— Потому что они все забыли, — сказала Селина, — и знают лишь то, что в Дубравии скрывается нечто, опасное для Трудландии.

— А что это? — спросил Король.

— Грезы, — сказала Селина.

— А почему я ничего этого не видел, когда пришел сюда в первый раз?

— Потому что ты с собой ничего не принес и никого не привел.

— А на этот раз я принес свое стихотворение, — сказал Король.

— И привел меня, — сказала Селина.

Король взглянул на Селину — впервые с тех пор, как они зашли в Западную Дубравию, и увидел, что она — самая прекрасная девушка на свете, что она — Принцесса. Ее глаза, ее волосы и все ее лицо светились, такого сияния он не замечал ни у кого, даже у самой Селины. Улыбка ее была так прелестна, прикосновения рук так нежны, голос так певуч, что у Джона закружилась голова. И на ней было такое красивое платье — розовое, как лепестки розы, серебристое, как иней, а над головой переливалось что-то вроде радуги.

— Селина, — сказал Король, — ты — самая прекрасная девушка в мире!

— Да, — сказала она, — здесь, в Дубравии.
— Где мое стихотворение, Селина?
Она дала Королю листок, и он прочитал вслух:

*Ты звездочки ярче
В пустыне ночной,
Нежнее травы
На лужайке весной.
Звезда ли, трава,
Отзовись мне, молю!
Не знаю я, кто ты,
Но очень люблю.*

— О, Селина! — вскричал Король. — Ты — Принцесса?
— Да, — сказала Селина, — Здесь, в Дубравии.
— Ты выйдешь за меня замуж?
— Да, — сказала Селина. — Здесь, в Дубравии.
— И там, в Трудландии! — вскричал Король и, схватив ее за руку, потянул за собой через преграду из цветов и веток, где порхали птицы, за забор.

— А теперь, Селина, — сказал он, затаив дыхание, — выйдешь?
— Куда выйду?
— Замуж. За меня.
— Изволь, — сказала Селина. И так она и сделала. И так как у нее были золотые руки, и она всегда все делала хорошо, то и Королевой она сделалась очень хорошей.

А в день свадьбы Король навсегда велел убрать семьсот семьдесят седьмую доску в заборе между Трудландией и Западной Дубравией, чтобы любой ребенок и любой взрослый всегда мог проскользнуть в эту дверцу, если только он не слишком растолстеет, что случается не так редко.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечания

1

Стихи в переводе Марии Карп.